

МАРКО ДИНЕЛЛИ
(Италия)

**«ОТ ТРЕХ БУКВ К ПЯТИ» ИЛИ К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА
РУССКОГО МАТА НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК**

(на материале современной русской прозы)*

Я люблю мат за его магнетизм.

Виктор Ерофеев

В переводе интересно только то, что неизбежно теряется; чтобы отыскать его, стоит иногда садиться переводить.

Элиас Канетти

Рассматривая произведения Юза Алешковского в контексте истории русского и советского языков, Андрей Битов отмечал, что «советские слова в тексте Алешковского следует воспринимать как неперебиваемые в той же мере, в какой неперебиваем мат» (Битов 1991, с. 555). По сути для Битова и советские реалии и мат остаются вне сферы перевода. Тому же, кто не желает мириться с подобным положением вещей, приходится искать новые пути, ломать установленные ограничения, ставить их под сомнение. Главным тогда оказывается вопрос: а можно ли вообще перевести русский мат на другие языки? И если да, что неизбежно теряется в переводе? Эта статья — попытка найти хотя бы часть ответов на заданные вопросы.

По материалам доклада на Озеровских чтениях Литературного института в декабре 2003 г.

Свидетельство остроты и неоднозначности заявленной проблемы — стыдливость русских переводчиков, порой вызывающая улыбку у того, кто хорошо чувствует стилистические различия между языками. Не углубляясь в специфику перевода кинофильмов, упомянем «Плащ Казаковы» (1993), в котором итальянское «*chi cazzo pensi di prendere per il culo?*» передано патетическим «Кого ты хотела обмануть?». Та же неловкость слышна в выступлениях переводчиков, принявших участие в организованной в 1999 г. журналом «Иностранная литература» дискуссии о ненормативной лексике.

Предмет нашего рассмотрения, то есть проблема передачи по-итальянски части русской лексики, обычно именуемой «мат»¹, оказывается в центре внимания исследователя вполне естественно: сама литература последних лет создает предпосылки для того, чтобы сделать ее одним из наиболее спорных моментов теории и практики художественного перевода. Стремясь соблюсти методическую строгость, а также в силу ограниченности объема, сосредоточим наше внимание на рассмотрении нескольких образцов современной русской прозы, в которых, если взглянуть на них с принятой нами точки зрения, мат несет значительную нагрузку. За исключением особо оговоренных случаев итальянский перевод принадлежит автору настоящей статьи.

Переводчик должен учитывать целый ряд факторов. Неизбежно обделяя вниманием прочие важные аспекты функционирования мата, второстепенные для решения задач, заявленных автором настоящего исследования,² сосредоточим наше внимание в плоскости литературы.

Хотя мат уходит корнями в древность, и история русской литературы знает немало писателей, использовавших мат в своих произведениях в более или менее откровенной форме (Барков, Пушкин, Лермонтов, собранные Афанасьевым народные сказки, литературный фольклор, Маяковский, Есенин, Солженицын, Венедикт Ерофеев и др.), официальное пришествие мата в мир изящной словесности свершилось в постперестроечную эпоху, то есть начиная с 1989 г.³ Лишь в девяностые годы в России наконец-то увидели свет тексты современных авторов и писателей прошлого, содержащие неприличные слова и павшие в советское время жертвой цензуры (и потому ходившие в самиздате или публиковавшиеся за рубежом). В наши дни многие авторы нередко обращаются к подобной лексике: Юз Алешковский, Эдуард Лимонов, Владимир Сорокин, Виктор Ерофеев и другие. Параллельно наблюдается всплеск внимания к обсценной лексике в филологической среде: публикуется значительное количество научных работ и неофициальных словарей⁴, о которых лет десять назад трудно было и помыслить и которые связаны с заново открытым «альтернативным» течением в русской культуре. В целом этот процесс⁵ можно свести к простой формуле: «Непечатное слово стало печатным»⁶. Что вызвало резко негативную реакцию властей, культуры и общества. Советский мир, будучи литературоцентричным, воспитал в читателе особую чувствительность к запечатленному на бумаге слову. Явление это заслуживает

отдельного исследования и вполне могло бы претендовать на то, чтобы вылиться в нечто вроде «истории эстетического восприятия в Советском Союзе». Нам же важно отметить то сопротивление, которое и рядовой читатель, и официальная культура продолжают оказывать этому процессу.

В других культурах, например, англоязычной и итальянской, он давно уже завершился. Хотя история итальянской литературы богата подобными примерами (Пьетро Аретино, Джоаккино Белли, Джорджо Баффо и др.), окончательное освобождение общенной лексики в итальянской прозе свершилось после 68-го года, по следам студенческих волнений. В семидесятые появляется немало текстов, в которых сквернословие используется прежде всего для создания речевого портрета определенного поколения⁷. В литературе тех лет можно найти великое множество образцов подобных социолектов (возможно именно из-за этого лингвисты и составители специализированных словарей рассматривают их исключительно как «жаргон», как правило, с пометкой «молодежный»⁸). Восемидесятые начинаются с «Altri libertini» Тонделли (1980)⁹, где можно обнаружить не только obscene, но и богохульные выражения. Через двадцать дней после выхода в свет книгу конфискуют по обвинению в оскорблении общественной нравственности, однако, год спустя суд города Мондови (Кунео) полностью и безоговорочно оправдал текст, его автора и издателя. Остановить процесс, набравший силу, как снежная лавина, было уже невозможно. Сборник рассказов начинающих писателей «Молодые людоеды» (1996) доказывает, что ныне все языковые табу сметены. То же можно сказать и о переводах иностранной литературы на итальянский язык:

«Allora infilati la giacca, cazzo!»

All'inizio del viale non c'era neanche un taxi. Ce n'erano sempre un sacco solo quando uno non se ne faceva un cazzo. E' agosto, in teoria, ma ho le palle talmente gelate che quasi mi si staccano. Non sto ancora male ma mi sta arrivando, cazzo, poco ma sicuro.

«E questo sarebbe un posteggio di taxi. Un posteggio del cazzo.[...]»¹⁰

Объективная разница в восприятии итальянским и русским читателем¹¹ — исходный постулат переводчика, постоянно сверяющего себя с камертоном «динамической эквивалентности»¹²: сохранить эмоциональное воздействие и экспрессивность оригинала в тексте перевода совсем не просто. Эта сторона важна, и все же это лишь поверхностный слой всей массы вопросов, затрагивающих непереводаемость мата. Ниже нам еще предстоит столкнуться с темными местами, которые такой подход не позволяет осветить.

Помня о неизбежности потерь, попытаемся выделить первый уровень перевода мата на итальянский. Рассмотрим ряд примеров из романа Юза Алешковского «Николай Николаевич», классического произведения такого рода:

И закусывая, а то окосеешь и не поймешь ни хуя. (Алешковский Ю. 1996, 19)

E butta giu un boccone, senno t'inciocchi e poi non capisci piu un cazzo (Aleskovskij Ju. 2002, 9)

Дверь кто-то дергает, орет и бушует. Я вышел, объяснил, что химией обхавался и что дверь не зуб — не хуя ее дергать. (Алешковский Ю. 1996, 21) Qualcuno dava strattoni alia porta, urlava e smaniava. Uscii, spiegai che mi ero strafogato di sostanze chimiche e che mica la porta e un dente, non serviva a un cazzo tirare. (Aleskovskij Ju. 2002, 12)

Тут я сел на пол и стал хохотать. Ни хуя себе работа! (Алешковский Ю. 1996, 22) A questo punto mi sedetti per terra e sbottai a ridere. Ma guarda tu che cazzo di lavoro! (Aleskovskij Ju. 2002, 13)

Вопреки общепринятому убеждению, объясняющему непереводаемость мата на иностранные языки необычайной гибкостью русского словообразования, перевод этих выражений на итальянский не составляет особого труда. Все три функции мата в современной русской литературе, выделенные А. Зориным, — миметическая, экспрессивная и концептуальная (Зорин 1996. с. 132-133), с точки зрения языка не являются непреодолимым препятствием для переводчика, прибегающего, в частности, к компенсации на разных уровнях. Как видно из примеров, и язык оригинала и язык перевода использует слова, обозначающие мужской половой орган, в значении «что-то», «ничего» в отрицательных высказываниях. Этот пример служит иллюстрацией одной из основных функций обценной лексики, как в русском варианте (мат), так и в итальянском варианте («turpiloquio»). Нередко эта лексика утрачивает денотативную функцию, более того, наблюдается тенденция к потере лексической единицей ее первичного значения, место которого занимает множество возможных значений, определяемых употреблением и контекстом. Помимо того, во всех языках обценная лексика является маркированной в плане экспрессивности. Следуя одной из предлагаемых классификаций, например, Левина (1996), можно проанализировать сходства и различия между языком оригинала и языком перевода, обнаруживая в них поразительные аналогии.

Мат — исходное сырье языка Алешковского, носитель живого карнавалного начала; он столь же открыт и понятен, как и физиологический, номинальный мат Лимонова. Однако современная русская литература, нередко обращается к мату, словно стремясь указать на скрытый, глубинный смысл. Приведем два примера, в которых использование мата, не попадающее в вышеназванные категории, выражает семантические оттенки, столь тесно связанные с русским языковым и культурным контекстом, что их адекватный перевод на иностранный язык оказывается проблематичным.

Первый пример — рассказы и романы Владимира Сорокина (Сорокин 1992, Сорокин 1998). В его произведениях можно нередко встретить повторяющуюся схему¹³, затрагивающую прежде всего их языковую сторону. Иногда резко, иногда постепенно язык сорокинской прозы трансформируется из нормативного, избыточного советскими клише и являющимся родом культурной «пленки» (Пригов 1992, с. 116-

117), в неподконтрольный, инстинктивный, естественный. Язык разлагается в брань, сквернословие, лишённые смысла звуки, шум, и дальше — в тишину, белый лист.

Не случайно, что переход этот осуществляется именно через мат. Он выполняет не только экспрессивную или миметическую функцию. Его эвокативный потенциал вытекает из метафорической роли мата (проявление истинного): мат неистово врывается в контекст, и после его вторжения становится очевидным, что контекст-то сам надуманный, ненастоящий. Мат — это темное дно официального, тоталитарного языка; темное дно тоталитарного порядка — это хаос, негатив, выражаемый матом. Здесь мат проявляется как антимир русской культуры. И если в прозе «усиливается интерес к «грязному» слову, мату как детонатору текста» (Ерофеев 1997, с. 14), происходит это, прежде всего, потому, что современная проза в значительной степени занимается исследованием негативного. Как озвучить переводчику это дикое, катартическое эхо, порожденное низвержением табу, действующего только в рамках определенной культурной системы — советской и постсоветской?

Второй пример — рассказ Виктора Ерофеева «Третий лишний». На загородной экскурсии, во время ужина в ресторане, женщина (Марина) рассказывает свою несчастную жизнь двум мужчинам, один из которых в нее влюблен (Борис). Узнав, что все мужчины так или иначе связанные с Мариной, умерли, Борис встает из-за стола:

— Я сейчас приду, — сказал Борис и, аккуратно отодвинув стул, мягкой поступью вышел из зала. В туалетной комнате он старательно, с мылом, вымыл руки и остановился перед зеркалом.

— На хуй, на хуй, на хуй, — быстро пробормотал он и неумело, мелко перекрестился. Из туалета он пробрался в раздевалку, сунул гардеробщику рубль и, схватив плащ в охапку, побежал к машине. До Москвы было ехать двадцать шесть километров.

Борис выжил тогда, хотя все-таки едва не погиб, чудовищно отравившись грибами.

Напряжение, возрастающее на протяжении всего рассказа, взрывается в самой последней строке. Трижды повторив заклинание, герой осеняет себя крестным знамением. Здесь мат явно выполняет не только миметическую функцию, создавая определенный социальный колорит. Его функция — магия, заклинание. По сути он выступает в своем изначальном смысле (Успенский 1996 и Жельвис 1997), связанном с культовыми функциями матерной брани в славянском язычестве. Как его перевести? Повторенным трижды банальным «Vaffanculo!», до того затасканным и приевшимся итальянскому уху, что даже его появление в тексте шлягеров давно уже никого не шокирует?

Пришествие мата в современную прозу — проявление сложной реальности, корни которой скрыты в глубинных слоях русского сознания. И если в мате есть нечто непере译имое — это его аура, его энергия, способная вызвать к жизни темный загадочный мир, путь в который западные языки давным-давно позабыли.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ В этом значении слово «мат» — сокращение от «матерная брань». (Шанский Н., Боброва Т. 1994, с. 181; см. также Плущер-Сарно 2001, с.75-80) Разобраться в определениях, предложенных лингвистами за последние годы и зачастую лишь частично отражающими суть этого пласта языка, — задача не из простых: обценная лексика, бранная лексика, непристойная лексика, инвективная лексика, заветная идиоматика, неприличное слова, нецензурные слова, непечатные слова, матерные слова, матизмы, табуированная лексика, ненормативная лексика и т.д. Мы будем понимать мат в узком смысле, согласно предложенному Левиным определению ОВ (обценных выражений): «законченные — хотя бы относительно, то есть, может быть, требующие синтаксического или коммуникативного (напр., диалогического) «замыкания» — в смысловом и коммуникативном отношении речевые сегменты, содержащие хотя бы один обценный корень. Последние могут быть заданы списком. Ядро этого списка составляют три общеизвестных матерных корня». (Левин 1996, с. 108).
- ² Общий анализ мата как факта языка см. в фундаментальной работе Успенского (1996).
- ³ Зорин 1996. с. 134.
- ⁴ Приведем краткий перечень сих драгоценных инструментов переводчика: классика — переложенный с английского Флегон (1992); антология и словарь Ф. Н. Ильясова (1994); академически строгие Буй (1995) и Мокиенко (1995); за ними следуют Колесников и Корнилов (1996), включающие и мат, и прочую обденную лексику; наконец, претенциозный толковый словарь Ахметовой (1997). Из последних новинок — словарь Плущер-Сарно(2001)
- ⁵ Об его истории см. Зорин 1996.
- ⁶ Кестер-Тома 1993, с. 2.
- ⁷ См.. например, роман «Porci con le all» (Ravera L. e Lombardo Radice L. 1975).
- ⁸ См.. например, словари Forconi (1988) и Lotti (1992).
- ⁹ «Altri libertini» — буквально «Новые распутники» в значении эпикурейцы, вольнодумцы, отвергающие всяческие правила и предрассудки, навязываемые им обществом и церковью. Протестанты и католики называли «либертенами» тех, кто, отдавая предпочтение опыту и разуму, ставил под сомнение явленную в откровении истину. В рядах первых либертенов — противники Кальвина Клод де Женев и Франсуа Компаре, позднее — Гассенди и Фонтанель (прим. перев.).
- ¹⁰ Welsh 1999, с. 10.
- ¹¹ Исключение — богохульства (bestemmie). Как известно, в итальянском и испанском языках самых сильные выражения полинают не мать, а Мадонну (см. Жельвис 1985, с. 300). Вообще табуированная зона итальянского языка — оскорбление божества. Мат в его экспрессивной функции соответствует итальянскому богохульству. (см. примеры в Kovalev 1995, с. 193)
- ¹² Хотя в последние годы термин, предложенным Найдой, неоднократно попал под огонь критики специалистов по теории перевода, все же за ним стоит понятие, сохраняющее смысл для практической работы переводчика.
- ¹³ Анализ сорокинской прозы и использования в ней мата см. Липовецкий 1997, с. 257-274.

БИБЛИОГРАФИЯ

АА.VV. 1996

Gioventu cannibale, Einaudi, Torino.

Aleskovskij Ju. 2002. Nikolaj Nikolaevic: il donatore di sperma, traduzione e cura di Marco Dmelli, Voland, Roma (переводы выполнены по изданию Юз Алешковский, Николай Николаевич // Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. М.: ННН, 1996, 17-68.)

Forconi A. 1988. La mala lingua. Dizionario dello slang italiano, Milano.

Kovalev V. 1995. Dizionario russo-italiano e italiano-russo, Zanichelli, Bologna.

Lotti G. 1992. Le parole della gente. Dizionario dell'italiano gergale, Mondadori, Milano.

Ravera L. e Lombardo Radice L. 1975. Porci con le ali, Roma, Savelli

Tondelli P.V. 1980. Altri libertini, Feltrmelli, Milano.

Welsh, I. 1999. Trainspotting, trad. it. di Giuliana Zeuli, Guanda, Parma (vers. or.: Trainspotting, London, 1993).

Алешковский Ю. 1996. Николай Николаевич . Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. М.: ННН, 17-68.

Ахметова Т. В. 1997. Русский мат. Толковый словарь. М.: Колокол-пресс.

Битов А. 1991. Повторение непройденного // Алешковский Ю. Собрание сочинений в 3-х томах. Том 3. М.: ННН, 1996, 537-557.

Буй В. 1995. Русская заветная идиоматика (Веселый словарь крылатых выражений). М.: Помовский и партнеры.

Ерофеев Виктор 1994. Третий лишний // Русская красавица: Роман. Рассказы. М.: Союз фотохудожников России, «Молодая гвардия», 443-447.

Ерофеев Виктор 1997. Русские цветы зла. М.: Подкова.

Жельвис В. И. 1985. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. Под ред. А. К. Байбурина. Л.: Наука, 296-320.

Жельвис В. И. 1997. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир.

Зорин А. 1996. «Легализация обценной лексики и ее культурные последствия» 11 *Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература.* Сборник статей / Сост. Н. Богомолов — М.: Ладомир, 121-139.

«Иностранная литература» 1999. "Всех этих слов на русском нет..." («Круглый стол» «ИЛ», посвященный переводу ненормативной лексики) // Иностранная литература №7. Ильясов Ф. Н. (Под ред.) 1994 Русский мат (Антология). М.: Лада М.

Кестер-Тома З. 1993. Стандарт, субстандарт, нон-стандарт // Русистика, 1993, № 2.

Колесников Н. П., Корнилов Е. А. 1996. Поле русской брани. Ростов-на-Дону: Феникс.

Левин Ю. 1996. «Об обценных выражениях русского языка» // *Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература.* Сборник статей / Сост. Н. Богомолов — М.: Ладомир, 109-120.

Липовецкий М. 1997. Русский постмодернизм. Екатеринбург.

Мокиенко В. М. 1995. Словарь русской бранной лексики. Берлин: Dieter Lenz Verlag.

- Плуцер-Сарно А. 2001. Большой словарь мата. Том первый. СПб.: Лимбус Пресс
- Пригов Д. А. 1992. А им казалось: в Москву! в Москву! // Владимир Сорокин, Сборник рассказов. М.: Русслит, 1992, 116-118.
- Сорокин В. 1992. Сборник рассказов. М.: Русслит.
- Сорокин В. 1998. Собрание сочинений в 2-х томах. М.: Ad Marginem.
- Успенский Борис 1996. «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии» / *Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература.* Сборник статей / Сост. Н. Богомолов — М: Ладомир, 9-107.
- Флегон А. 1992. За пределами русских словарей.
- Шанский Н. М., Боброва Т.А. 1994. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина.

Перевод А.Я.